Тихий свист чужого клинка, пропустить над собой сверкнувшее лезвие, ударом вакидзаси заставив вздернуть клинок выше, открывая вид на незащищенную броней руку до локтя. Короткий импульс чакры и тонкий водяной хлыст захлестывает запястье, пробираясь под пластины брони, отсекая кисть, оставляя шиноби без защиты, давая уникальную возможность себя обезглавить.

Ни секунды промедления, рвануть дальше, быстрым движением послав кунаи в спину сражающемуся с соклановцем противнику. Стремительно скользнуть в сторону, уходя от вырвавшихся из земли корней. Площадная атака, которая может навредить даже союзникам. Противники резко разрывают расстояние, стремясь уйти из зоны поражения, ведь сверху летят горячие огненные шары. Стычки закончились, даже не успев толком развиться. Главы Кланов сошлись в бою и обычным членам Кланов приходится спешно покидать поле боя. Иначе затопчут.

Кагами обреченно вздыхает. Вот поэтому он больше предпочитает ходить с Изуной-сама. Тот даже если схлестнулся в бою с Тобирамой, очень редко использует площадные техники, что позволяет участвовать в боях всем, а не только самым сильным, способным уследить за множеством факторов. Ему до такого уровня еще долго идти, но… кое-что он тоже может сделать.

Глаза блеснули алым. Он изначально уходил так, чтобы выйти на край позиций Сенджу. Иллюзии легким одеялом окружили его, старательно отводя взгляд и без того отвлекшихся шиноби. Однако Кагами не наглеет. Едва ощущает, что смерти начали замечать, делает шаг назад, уходя на позиции Клана. В нем нет ненависти к Сенджу, но чем меньше их осталось, тем больше выживет Учиха. Больше Учиха — лучше охрана поселения, где находится его наставница, а значит и безопаснее. Это его главная цель.

Бой Глав Кланов в который раз заканчивается в ничью. Они просто расходятся в стороны, так и ничего не решив, два Клана исчезают, унося раненых и павших. Пришло время позаботиться о них, чтобы после с новой силой и яростью напасть на извечного врага.

Бессмысленно. Теперь Кагами стал понимать осторожные высказывания наставницы лучше. Это действительно выглядело крайне глупо. Нелепо. Многие уже потеряли понимание для чего и почему они сражаются. Они готовы убивать Сенджу лишь потому, что сами Учиха. И пусть Кагами согласен, что оставлять живого врага за спиной глупо, но найти причины такой ненависти не мог. Впрочем, пока ему и не надо, он просто хочет стать сильным.

— Кагами, — Глава Клана возникает рядом внезапно.

— Мадара-сама? — короткий взгляд в сторону мужчины, но не более. Кагами не может отвлечься от заживления раны, его успехи в ирьедзюцу все так же посредственны. Он боевик, не целитель. Однако он уже понял насколько большое преимущество дает возможность лечить и не собирался отказываться от лишней возможности выжить, помочь своим.

— Сумико просит вернуть кого-нибудь из своих учеников, — Мадара-сама не торопится уходить, спокойно дожидаясь окончания сеанса лечения. — Время пришло.

— Я понял, — короткий кивок, остатки зеленых искр стряхиваются на землю, красиво гаснув еще в полете. Парень действительно понял что не стал договаривать Глава Клана. И он даже благодарен. Тот мог отослать к Сумико-сама кого угодно, не слишком волнуясь о душевном состоянии ее учениц. Однако предпочел отправить его, видевшего достаточно много.

— Пойдешь завтра утром через неко, тебе пора заключать стандартный контракт, — негромко звучит в ответ и Мадара-сама уходит, оставляя заботу о раненых на Кагами. У каждого из них свои обязанности перед Кланом, нельзя ими пренебрегать.

***

Возвращение в поселение практически ничем не отличается от множества других, даже подписание контракта с неко ничего не изменило. Просто ему не пришлось утомительно бежать несколько дней, вот и все. Правда, радости от этого он не испытывал, он же вернулся не просто для того, чтобы побыть рядом с наставницей, его позвали для страховки во время родов. Причем, он подозревал, что стал скорее компромиссом, чем действительно нужен во время родов предательницы. Уж их-то Сумико-сама примет с легкостью, но вот сумеет ли устранить угрозу? Он знал, что сможет, но вот ситуация ее эта не порадует и ей будет плохо.

— Кагами, рада тебя видеть, — Сумико-сама встретила его с привычной улыбкой, нежно растрепав волосы.

— Мадара-сама…

— Я знаю, — она тихо рассмеялась. — Я сама попросила его об этом, ты бы знал, как он не хотел тебя отпускать, — он видит гордость в глазах Сумико-сама и невольно приосанивается. — Ты хорошо постарался, Кагами, я слышала о твоих навыках много хорошего.

— Все благодаря вам, сэнсэй, — кто бы что не говорил, но искренняя похвала приятна, особенно если знаешь, что ее заслужил.

— Спасибо, Кагами, — ему нравится видеть мягкую улыбку Сумико-сама, сразу становится уютнее и вспоминается мама. Только она, глубоко в детстве, так заботилась о нем. Жаль, что это продлилось недолго и у него остались лишь смутные образы. — Мне приятны твои слова, но все же, не уменьшай своих заслуг и в тоже время не преврати свою гордость в гордыню. Этот путь ведет к саморазрушению.

— О чем вы, сэнсэй? — Кагами растерянно смотрит на наставницу, которая неторопливо разливала чай, принесенный прислугой.

— Кагами, ты ведь уже сделал выводы об этой вражде, — чашка с чаем оказывается в руках парня. — Она во многом бессмысленна, только гордыня мешает остановиться и увидеть всю картину целиком.

— Сэнсэй… — чужие слова перекликаются с его мыслями, будто Сумико-сама читает его, как открытую книгу.

— Я больше ничего не скажу, Кагами, — отрицательное покачивание головой. — Смотри, делай выводы, а после расскажи мне их, — легкий взмах рукой, в голове будто лопается натянутая струна и Кагами растерянно смотрит вокруг. Его опять провели, взяли в иллюзию, а он даже не заметил. — И главное, будь внимательнее к мелочам.

— А? — тихий смех и тонкий пальчик указывает ему на руки, в которых он по своему убеждению держал чашку с горячим чаем, а на деле… Кагами кривится от отвращения, во рту появляется неповторимый вкус горячего молока с медом и маслом. Самое противное, не укажи ему это наставница, он бы автоматически выпил. Впрочем, он и так уже прикончил больше половины. — Сумико-сама…

— Прости, не удержалась, — ответом ему служит ставший чуть громче смех. — Мадара-сама так расписывал твои успехи в гендзюцу, что я захотела проверить так ли это.

— Ценю вашу заботу о моем здоровье, — Кагами мысленно морщится и с каменным выражением лица, выпивает оставшееся молоко. Порыв выплюнуть подавляет в зародыше. — Теперь бы я хотел обычного чаю.

— Молодец, не повелся на провокацию, — смех стихает, но улыбка все равно остается на устах девушки. Она с невозмутимым видом пододвигает столик с чайником и чашками. — Не волнуйся, больше молока нет, — его опасливый взгляд перехватили. — Однако, в следующий

раз, постарайся быть бдительнее.

— Вряд ли это поможет против ваших иллюзий, — обреченно отзывается парень.

— Вот именно из-за таких мыслей ты и проиграл, — легкий укор в словах. — Это будет тебе уроком на будущее. Сейчас я хочу обсудить зачем тебя позвала, — чужие глаза на мгновение сверкнули алым, только это и позволило Кагами понять, что их вновь окружили иллюзии. — Извини за это, но часть беседы не предназначена для чужих ушей.

— Сэнсэй, — парнишка хмурится, не нравится ему такое вступление, да и наблюдателей он не засек.

— Я хотела бы, чтобы ты помогал мне с тем ребенком, — Кагами замер, сглатывая, ему не требовалось пояснять, что имеется ввиду под «тем ребенком». — Не смотри так, Кагами, он не виноват в деяниях матери.

— Но, сэнсэй! — внутри все противится такому решению. Он не уверен, что сможет держать себя в руках.

— Не волнуйся, ты справишься, Кагами.

— Да, — послушный кивок. Проблема не в этом, но вряд ли Сумико-сама этого не понимает, просто не хочет обращать внимания. Он даже не знал, что хуже.

— Прекрасно, — интонация изменяется, взгляд теряет серьезность. — Рада, что ты согласился мне помогать заботиться о малыше, а теперь вставай, нам надо проведать Киоко.

Кагами на мгновение прикрывает глаза. Он чувствует себя обманутым, внезапно понимая, что ему ничего не рассказали, просто поставили перед фактом. Он же… вместо того, чтобы попытаться разузнать как можно больше, занялся собственными переживаниями.

Настроение парня стремительно падает, но он послушно следует за наставницей, даже находит в себе силы присутствовать на приеме, растерянно смотря на нежно улыбающуюся Киоко. Такое ощущение, будто перед ним совсем другой человек, и это не она хохотала ему в лицо, когда он задавал ей вопросы.

Сила Мангеке устрашала. Это только одна способность, которую показала Сумико-сама, но он слышал, что подобное не предел. Сам видел минимум две способности Мангеке у Мадары-сама и Изуны-сама, но слышал, что это далеко не все. В такие моменты он даже сожалел, что расспрашивать о чужих техниках, тем более способностях глаз, считается дурным тоном.

***

Его оставляют при наставнице. Небольшие послания, которые практически одновременно приносят вороны Мадары-сама и Изуны-сама не оставляют сомнений. Его никто не будет беспокоить, пока Сумико-сама считает, что его место рядом с ней. Более того, ему настоятельно советовали не оставлять ее одну во время бесед с Киоко и вообще стараться не спускать глаз, даже когда она спит. И он понимал истоки этого решения. Пусть предателя нашли, но уже само его наличие говорило о том, что в Клане не все гладко, заставляя страшиться, что их было больше.

— Кагами, передай мне коре…

— Сумико-сама, началось! — влетевший в лабораторию парнишка, перебивает девушку на полуслове, но тут же понимает свою оплошность, ощутив холодную сталь у горла и увидев заалевший взгляд Кагами.

— Ясно, — горелка моментально гаснет, наставница привычными движениями убирает все по своим местам, отдельно отставляя заготовку под какую-то мазь. Кагами, правда, не слишком понял какую, да и вообще, действительно ли это будет мазь, все же путь ирьенина не его. — Кагами, за мной.

— Хай, — парень неохотно прячет вакидзаси в ножны, ухватывая нарушителя за плечо, вытаскивает вслед за наставницей. Оставлять непонятно кого в лаборатории под госпиталем он не собирается, успокаиваясь только когда вход был закрыт. Пусть из-за этого он немного отстал от Сумико-сама.

Догнать умчавшуюся вперед девушку не сложно. Она хоть и шла быстро, но не бежала и, тем более, не перемещалась шуншином. Вскоре он понял почему. В родильной палате находилась бледная Киоко, которая встретила Сумико-сама облегченной улыбкой. Нисколько не возражая, когда та выгнала всех остальных прочь. В палате осталась только роженица, сама Сумико-сама и он, Кагами.

Чужие движения четкие, ему только и остается подчиняться уверенному голосу, подавая требуемое. Раньше он не участвовал в подобном, не видел мук, в которых рождалась новая жизнь. Он не замечал летящего времени, только устало вздохнул, когда наконец-таки увидел сморщенный, покрытый кровью комочек на руках Сумико-сама, который тут же разразился плачем.

— Нет, — тихий, полный ужаса голос Киоко, отрывает его от наблюдения. Ее движения слишком вялые, она сама ослаблена, пытается встать. Во взгляде ужас, когда она смотрит на своего ребенка в чужих руках.

— Подержи, — голос Сумико-сама жесткий, Кагами сам не понимает, когда невесомое тельце,

заходящееся плачем, оказывается в его руках.

— Сэнсэй? — глаза парня расширяются, когда он видит удар наставницы. Без взмаха, просто сложенные вместе пальцы входят в грудь. Чакра-но-Месу*. Он видит его применение не в первый раз, но чтобы так, одним движением оборвать чужую жизнь…

Кагами не видит выражения лица наставницы, она стоит к нему спиной, зато ему прекрасно заметна ненависть на лице Киоко. Слышит ее хрипы, тщетные попытки сказать хоть что-то. Сумико-сама отводит от нее взгляд только тогда, когда тело Киоко расслабилось, глаза помутнели, но из них так и не ушла ненависть.

— Сэн… — слово застревает где-то в горле, когда он видит обманчиво спокойный взгляд наставницы. Он слишком хорошо ее знает, чтобы купиться на это. Произошедшее оставило свой след в ее душе. Очередной шрам.

— Спасибо, что подержал, Кагами, — благодарность, которую он не чувствует в ее тоне, но послушно отдает примолкнувшего ребенка в ее руки. — Вы можете забирать тело.

Вначале он не понимает к кому обращается наставница. Ровно до того момента, как перед ней не вырастает несколько мужчин. В их глазах отражение ненависти Киоко приправленное изрядной долей презрения, но направлены они не на Сумико-сама, а на удерживаемого ею ребенка. Будто смотрят на врага, но быстро берут себя в руки и склоняют головы: — Благодарим, Сумико-сама.

Короткий кивок и она просто уходит в соседнее помещение, оставляя Кагами в палате. И он даже не может найти в себе силы следовать за ней, только замереть перед дверью, не в силах шагнуть за нее. Отчего-то ему казалось, что Сумико-сама хочет побыть одной. И он не понимал с чем это связано.

Продолжение следует…

Примечания:

* - скальпель чакры.

http://tl.rulate.ru/book/54344/1382374